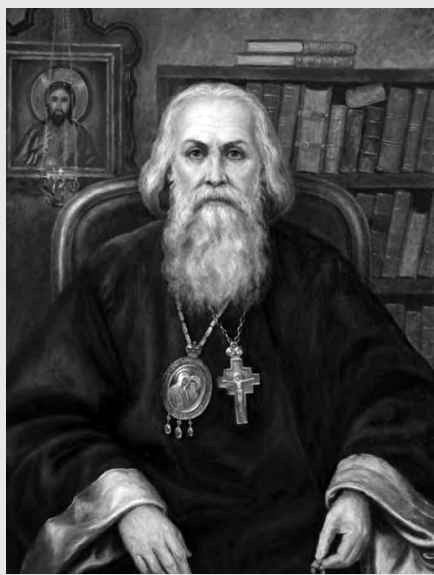

13 мая – 150 лет со дня кончины святителя Игнатия БРЯНЧАНИНОВА

Родился 6 февраля 1807 г. в родовом имении отца, селе Покровском Вологодской губернии. Мать родила Дмитрия после продолжительного бесплодия, по горячей молитве и путешествии по окрестным святым местам. Детство мальчик провёл в уединении сельской жизни; с ранних лет безотчётно влёкся он к жизни иноческой. С возрастом его религиозное настроение

обнаруживалось всё заметнее: оно проявлялось в особенной расположенности к молитве и чтению духовных книг.

Учился Дмитрий превосходно и до самого выхода из училища оставался первым учеником в своем классе. Его способности были самые разносторонние — не только в науках, но и в рисовании, и музыке. Родственные связи ввели его в дом президента Академии художеств А. Н. Оленина; здесь, на литературных вечерах он сделался любимым чтецом и вскоре познакомился с А. Пушкиным, К. Батюшковым, Н. Гнедичем, И. Крыловым. Но в шум и суету столичной жизни Дмитрий не изменял своим душевным стремлениям. В поисках «вечной собственности для вечного человека» он постепенно пришёл к малоутешительному выводу: значение науки ограничивается земными потребностями человека и пределами его жизни.

Столь же ревностно, как занимался наукой, принимает Дмитрий за изучение древней и новой философии, пытается успокоить своё духовное томление, но и на этот раз не находит решения главного вопроса об Истине и смысле жизни. Изучение Священного Писания было следующей ступенью, и оно убедило его в том, что, предоставленное произвольному толкованию отдельного человека, Писание не может быть достаточным критерием истинной веры и прельщает лжеучениями. И тогда Дмитрий обратился к изучению Православной веры по писаниям святых отцов, святость которых, как и чудное и величественное согласие, стали для него ручательством их верности.

Дмитрий Брянчанинов посещает богослужения в Александро-Невской лавре и там находит истинных наставников, понимающих его духовные нужды. Окончательный переворот в жизни произвело знакомство со старцем Леонидом (впоследствии оптинский иеромонах Лев). Дмитрий Брянчанинов оставляет блеск и богатство аристократической жизни и, вызывая глубочайшее недоумение «света» и недовольство своих родителей, в 1827 г. уходит в отставку. Пробыв послушником в нескольких монастырях (в том числе – в Александро-Свирском), он принимает иноческий постриг с именем Игнатий в уединенном Глушицком Дионисиевом монастыре.

В январе 1832 г. иеромонах Игнатий был назначен строителем Пельшемского Лопотова монастыря в Вологодской губернии, а в 1833 г. возведён в сан игумена этого монастыря. Вскоре император Николай I вызывает Игнатия в Петербург; по Высочайшей рекомендации и по распоряжению Священного Синода его рукополагают в архимандрита и назначают настоятелем Сергиевой пустыни.

Прожив в Сергиевой пустыни 24 года, архимандрит Игнатий привел её в цветущее состояние. 27 октября 1857 г. он был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. В следующем году Владыка прибыл в Ставрополь, где ему предстояли новые большие труды, но постигшая его тяжёлая болезнь, воспрепятствовала им. Преосвященный решил проситься на покой и в 1871 г. поселился в Николо-Бабаевском монастыре. Здесь, свободный от служебных обязанностей, всё свое время до конца жизни он отдал работе над духовными сочинениями.

Интерес к личности и бессмертным творениям епископа Игнатия не угасает и в наши дни. Святитель Игнатий Брянчанинов является лучшим духовным руководителем, лучшим примером того, как в жизненном водовороте человек может сохранить верность Христу, возгревая постоянно в сердце своём огонь любви и преданности Богу.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Том 1. РОСА

По синему, безоблачному небу, в прекрасный летний день, великолепное светило совершало обычный путь свой. Горели златые кресты соборного пятиглавого храма, воздвигнутого во славу Всесвятой Богоначальной Троицы; серебристые купола его отражали ослепительное сияние лучей солнечных. Тень показывала наступление десятого часа, в который обыкновенно начинается Божественная Литургия. Многочисленные толпы народа спешили от большой дороги в мирную обитель иноков: день был воскресный, или праздничный — не помню.

За оградой того монастыря, к восточной стороне, лежит обширный луг. Тогда он был покрыт густой, нежной травой, разнородными, дикими цветами, которые цвели и благоухали беспечно на свободе и приволье. В тот день упала на него обильная роса. Бесчисленные ее капли виднелись на каждом цветке, на каждом стебельке и мелком листочке, а в каждой капле изображалось с отчетливостью солнце; каждая капля испускала лучи, подобные лучам солнца. Луг имел вид широко постланного бархатного ковра, на котором по яркой, густой зелени роскошная рука рассыпала бесчисленное множество разноцветных драгоценных камней с превосходным отливом, игрою, с лучами и сиянием.

В то время священноинок, готовившийся к совершению Божественной литургии, вышел с глубокою думою из боковых, уединенных ворот монастыря (на этом месте впоследствии выстроена церковь во имя святого Григория Богослова) и, сделав несколько шагов, остановился пред лугом обширным. Тихо было у него на сердце; тишине сердца отвечала природа вдохновенной тишиною, той тишиною, которою бывает полно прекрасное утро июня, которая так благоприятствует созерцанию. Пред глазами его — солнце на лазуревом, чистом небе и бесчисленные отпечатки солнца в бесчисленных каплях росы на лугу обширном. Мысль его терялась в какой-то бесконечности, — ум был без мысли, как бы нарочно приготовленный, настроенный к принятию духовного впечатления. Священноинок взглянул на небо, на солнце, на луг, на блистающие капли росы — и внезапно открылось пред очами души объяснение величайшего из таинств христианских, то объяснение, каковым может объясниться непостижимое и необъяснимое, объяснение живым подобием, картиною живописною, которая была пред его глазами.

Как будто сказал ему кто: Вот! Солнце всецело изображается в каждой смиренной, но чистой капле росы: так и Христос, в каждой христианской православной церкви, всецело присутствует и предлагается на священной трапезе. Он сообщает свет и жизнь причастникам Своим, которые, приобщившись Божественному Свету и Животу, сами делаются светом и

жизнью: так капли росы, приняв в себя лучи солнца, начинают сами испускать лучи, подобные лучам солнечным. Если вещественное и тленное солнце, создание Создателя, стоившее Ему, чтоб прийти в бытие, одного беструдного мановения Его воли, может в одно и то же время изобразиться в бесчисленных каплях воды: почему же Самому Создателю, всемогущему и вездесущему, не присутствовать всецело в одно и то же время Своей Пресвятою Плотию и Кровью, соединенным с ними Божеством, в бесчисленных храмах, где по Его велению и установлению призывается на хлеб и вино вседетельный, всесвятой Дух для совершения величайшего, спасительнейшего, непостижимейшего таинства?..

Неся в недрах глубокое и сильное впечатление, возвратился служитель Тайны в келью. Впечатление осталось жить в душе его. Прошли месяцы, прошли годы, оно так же живо, как и в день первоначального ощущения. Разделяя с ближним пользу и назидание, теперь, после многих лет, изображаю его словом и пером. Скучное изображение! Перо и слово слабы для полного и точного изображения духовных таинозрений.

Священное таинозрение! Священное видение ума! С какой неожиданной внезапностью ты являешься в живописной, разительной картине пред умом, приготовленным к видению тайн покаянием и внимательною, уединенною молитвою! Как сообщаемое тобою знание сильно, ясно, живо! Какого исполнено неоспоримого, непостижимого убеждения! Ты независимо от человека: приходишь к тому, кого избираешь, или кому посылаешься. Напрасно человек захотел бы проникнуть в духовные тайны сам собою, одним собственным усилием! Он будет только слабым мечтателем, блуждающим ощупью во мраке самообольщения, не чувствуя и не сообщая ни света, ни жизни. Как цепи звучат на руках и ногах невольника: так в мыслях и словах мечтателя услышится отголосок насилия, подделки, принужденности, рабства и мерзости греховной. Путь к духовному таинозрению — постоянное пребывание в покаянии, в плаче и слезах о греховности своей. Плач и слезы — тот коллурий, которым врачуются душевные очи (Апок.3:18).

Сергиева пустынь, 1846 год.

Коллурий — лекарство, мазь или примочка для глаз.

